

18+

Глеб Карпинский

Касание

Рассказы о любви

Глеб Карпинский

Касание. Рассказы о любви

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Касание. Рассказы о любви / Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982593-3

В сборник «Касание» входят восемь лучших рассказов о любви, написанных автором в разное время живым, богатым языком с элементами легкой эротики. Рассказы заставляют читателя задумываться об истинном предназначении мужчины и женщины. Автор прекрасно создает атмосферу реальности происходящего. Сборник переведен на английский, французский и испанский языки и заслужил положительную оценку среди читателей.

ISBN 978-5-44-982593-3

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

1. Тихий пляж	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Касание

Рассказы о любви

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

Фотограф Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2025

© Глеб Карпинский, фотографии, 2025

ISBN 978-5-4498-2593-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Тихий пляж

Она прилетела на Канары впервые, хотя давно мечтала об этом, и, остановившись в Лас Америкос по рекомендации одного старого друга, с наскоком и присущей ей энергией быстро облазила все значные места этого «собачьего» острова вдоль и поперек. Все кругом было классно и расчудесно. Уйма впечатлений, уйма фотографий. Селфи выкладывались в интернет с завидной регулярностью, но потом она заскучала, причем так сильно и резко, что провалявшись в отеле почти всю неделю, точно в ленной горячке, оставила подписчиков в полном неведении относительно своих планов. В какой-то момент она даже всерьез задумалась о своем душевном здоровье и налегла на любимый напиток конкистадоров – ром. Только за четыре дня до отлета, а обстоятельства вынуждали ее окунуться с трезвой головой в работу на континенте, она как будто почувствовала в себе новые силы. Но эти силы уже не толкали ее на шумные развлечения, а предлагали сконцентрироваться на самой себе и провести остаток отдыха в полном уединении, наслаждаясь гармонией с природой. И она, нацепив на себя солнцезащитные очки, чтобы не быть узнанной новыми знакомыми, которых она всегда приобретала с удивительной легкостью, стала украдкой вечерами выходить прогуливаться по окрестностям инкогнито. Для удобства хождения по камням она даже приобрела легкие кроссовки, футболку и шорты, хотя всегда считала себя предельной консерваторкой и до этого придерживалась строгого правила, что настоящая французская женщина ни при каких обстоятельствах не должна выходить в свет без платья и каблучков.

Особенно ее понравились вечерние пляжи Адехи, недалеко от какой-то рыбацкой деревушки, название которой она никак не могла запомнить, сама изящная набережная, соединяющая все эти пляжи в одно целое, и безумно красивые закаты. Там, под шелест пальмовых листьев и шум волны, она подолгу смотрела на океан, на утопающее в могучих волнах солнце и считала, от нечего делать, колышущиеся на этих волнах, точно белые чайки, маленькие лодочки. Но идиллию последних дней отдыха перечеркнул слет серферов. На острове в январе планировалось крупное ежегодное мероприятие, и все съезды к пляжам скоро оказались заставлены автобусами с Европы, а сам Лас Америкос кишел толпами безумных людей чуть ли не со всего света, кричащих, орущих, с какими-то досками под мышкой, ищущих смерть в океанской пучине.

Кто-то из местных, кажется, это был уличный музыкант с Золотой мили, как-то рассказывал ей о хиппи и любителях медитации, облюбовавших один из диких пляжей с черным, вулканическим песком где-то на западном побережье.

– Буквально, полоска в пятьдесят метров, сеньора, – говорил он, наигрывая по нейлоновым струнам испанские мотивы, – и с океана не подплывешь. Там острые камни и подводные мели. Пожалуй, самое укромное место на всем Тенерифе.

Туда, с его слов, не так просто было добраться даже всезнающим гидам, ибо водный бассейн был хорошо спрятан между непреступными скалами, но этот парень уверял, что знает тайный выход к океану – узкую, петляющую змеей горную тропку, и может сопроводить на велосипеде любого желающего за пятьдесят Евро. Но тогда его предложение о совместной поездке черт знает куда показалось ей чересчур рискованным. Сейчас же это спрятанное от посторонних глаз место манило ее, лишая инстинкта самосохранения, и она решила расспросить музыканта подробнее. Он часто брэнчал на гитаре, сидя бесечно на лавочке у кафе под пальмой, и найти его не составляло никакого труда.

– Если я там увижу опять этих досочников, я следующей осенью буду голосовать за националистов! – призналась она, почти сдуваемая январским ветром.

В это время как раз толпа народа с досками повалила из гостиницы и побежала мимо, очевидно спеша поймать большую волну.

– Что Вы, сеньора! – принял музыкант ее последнюю реплику за шутку. – Уверю Вас, там идеально место для тех, кто ищет себя, и завтра утром с первым криком петуха мы покатаем с Вами за тишиной. Это будет грандиозное путешествие.

Для обсуждения деталей маршрута и лучшего знакомства они присели в кафе на пять минуток поболтать, и она осталась очень довольна не только жареным козым сыром с вареньем и винегретом из осьминогов.

– Обожаю здесь кофе, сеньора, – страстно отпил он из чашки, – Пожалуй, лучший на Тенерифе, и ничуть не хуже, чем в Strasse.

Он снова отпил из чашки, наслаждаясь долгим глотком, и она безошибочно, с опытом зрелой женщины определила в этом забавном парне большой любовный потенциал.

– И там, на этом пляже, никого не будет?

– Если повезет, сеньора, никого. Может быть, пару палаток. Все-таки не один я знаю заветную дорожку... Но уверю Вас, всем этим людям будет не до нас, и никаких расспросов, глупых приставаний... Они приехали медитировать, а мы тоже расстелем большое белое полотенце на черном песке и предадимся мечтам.

Она вопросительно посмотрела на него. Слово «предадимся» выпорхнуло из его горячих кофейных уст с сексуальным оттенком, и она уловила это, почувствовав давно забытый приятный шлейф, но не насторожилась, как прежде, а улыбнулась в ответ. В конце концов, этот парень был лет на двадцать моложе и нравился ей.

– Предадимся мечтам... – повторила она с упоением, смакуя каждый слог. – Как это хорошо сказано, Диего.

– Просто будем молчать, слушая шепот волн, – продолжал он искушать ее, причмокивая губами. – А можно еще, сеньора, чашечку кофе?

И она охотно кивнула официанту.

– А что Вы скажете о Лас Америкос? – спросила она немного спустя, вглядываясь в черные глаза своего необычного собеседника.

– А что сказать? Когда-то, сеньора, здесь была пустыня. Никакого города-курорта тут и в помине не было. Мой прадед добывал здесь соль из морской воды... Потом предприимчивые люди создали тут сказку, навезли кучу песка из Сахары. Даже не верится, когда я был маленьким, то чуть не попал под ковш экскаватора. Он чуть не разрубил меня пополам. Вот полюбуйте, сеньора! – И рассказчик вдруг задрал вверх свой потертый свитер и стал хвастаться, показывая накаченные кубики пресса, на которых едва был замечен шрам от аппендицита. – С тех пор моя мама, хвала святому Антонию, говорит, что я родился в рубашке.

Упоминание о матери, женщине, должно быть ее возраста, немного огорчило туристку, и она даже стала поглядывать по сторонам, а не глядит ли кто за ней осуждающе, считая, что она сейчас снимает мальчишку. Но всем было до лампочки, и она даже сняла очки.

– Со мной Вы не пропадете, сеньора, – продолжал он развеивать ее сомнения. – Главное уметь крутить педалями...

– Ну, уж это я умею, – заверила она его. – Мой бывший муж дважды выигрывал гороховую майку в «Большой петле» и кое-чему меня научил за двадцать лет брака.

– Я не сомневаюсь в Ваших способностях, но подъем очень крут... Предупреждаю сразу, нужно запастись терпением, но оно того стоит...

В это время она уже оплатила счет и наслаждалась превосходным прохладным чапито, поднесенным официантом на посошок.

– Я не боюсь сложностей, Диего. Сложности на то и сложности, чтобы их преодолевать, а терпения у меня хоть отбавляй.

– Ну, и отлично, сеньора! – и он весело протянул ей руку, чтобы пожать по-приятельски.

Как ни странно, ей не хотелось так просто расставаться с этим беспечным молодым человеком, и она, приглядываясь к нему, пыталась найти хоть какие-то в нем изъяны. Но, кроме

молодости, в нем не было порока, и она удовлетворилась на прощание поцелуем в щечку. В конце концов, это был единственный человек, который хоть как-то понимал ее.

Рано утром она пришла к прокату велосипедов и амуниции к ним, как и договаривались накануне, но ее гид куда-то пропал, и она прождала его до самого вечера, переходя из одного кафе в другое и проклиная испанское «тапапа». Потом он все же появился, объяснив, что возникла какая-то веская причина и завтра они непременно поедут на тихий пляж.

– Идите домой и не волнуйтесь, сеньора, – заверил он ее, снова поцеловав в щечку.

Она плохо спала всю ночь, просматривая во сне какую-то дешевую эротику, а на следующее утро они уже ехали на велосипедах вдоль океана. Он впереди, она чуть за ним, изредка поглядывая на его накаченные ягодички и на то, с какой легкостью он крутит педали.

«Наверно, он иногда заходит в спортзал», – решила она, чувствуя, что уже начинает уставать при очередном подъеме и, решив, что нужно срочно менять фитнес-тренера там, у себя на континенте.

Еще ей хотелось нравиться Диего, нравиться по-человечески, без каких-то там насыщенных намеков на секс или заигрываний. Она давно не чувствовала такого азарта, мужчины всегда доставались ей слишком легко, и такая роль аутсайдера, не дающая никаких ощутимых козырей, сильно угнетала ее. Несколько раз она пыталась догнать его на трассе, но он ловко отрывался от ее навязчивого преследования и беззаботно смеялся. Она злилась, но не сдавалась, надеясь то на попутный ветер, то на его ошибку, и, как искушенная женщина, придумывала ему страшную месть. Иногда, особенно на петляющих спусках, он уходил в сильный отрыв, а на ровных участках держал дразнящую ее короткую дистанцию, и каждый раз, когда его спутница опасно приближалась, задавал пара.

Вообще, вся эта спонтанная поездка на велосипедах напоминала ей ее далекую молодость, и так же как много лет назад, она сняла шлем и распустила волосы, и их быстро подхватил прибрежный ветер. Вот так она по выходным с мужем ездила из Парижа до Реймса, чтобы прокатиться по бескрайним виноградникам и вдоволь надышаться чистейшим воздухом Шампани. Но только тогда она всегда была впереди, и, даже когда Жуль сделал имя на Тур де Франс, он всегда ей уступал свое первое место.

Она все время вспоминала его, когда ей было особенно тяжело, и словно по инерции искала у него защиты и сочувствия. После развода они практически не общались, за исключением тех немногих сцен, когда они улаживали дела в присутствии адвоката. Да, она обобрала Жуля, как липку, но могло быть для него и еще хуже...

«Эх, бедный, жалкий Жуль», – вымолвила она с некой горечью, когда какая-то машина стала притормаживать рядом с нею, громко гудя и сигналив фарами.

В салоне сидела молодая компания геев в каких-то розовых курточках, с заячьими пороновыми ушками на головах. Все эти зайчики-мальчики прильнули к окнам и выказывали ей знаки своего одобрения, словно болели за нее на этом чертовски затянувшемся спринте. Диего же подзадорил их и привстал, активно виляя бедрами и сильно уйдя в отрыв. Да, здесь, в спортивной амуниции, без гитары он выглядел совсем по-другому.

Ей вдруг пришла в голову нелепая мысль повернуть назад, пока еще не слишком поздно и они не сильно далеко отъехали от Лас Америкос. Черт с этими пятьдесят Евро и черным девственным песком! Ведь она совсем не знает этого человека, не знает, что у него на уме. А если он какой-нибудь маньяк, заманивающий богатых приезжих дур в горы, или, того хуже, либерал со всеми этими извращенными вкусами, и в забавном рюкзачке, за этими широкими плечами, находятся плетка с металлическими шариками и комплект полицейских наручников?

– Диего, долго еще? – окликнула она его, с трудом скрипя педалями.

Тот оглянулся, показывая ей взмокшее красное лицо, и улыбнулся, снисходительно показывая жестом на импровизированную парковку у ограждения.

– Я спрашиваю, еще долго пилить? – спросила она, поглядывая на запыленную колючую опунцию, растущую на одних камнях, и поражаясь, как она выживает в этих жутких условиях.

Они остановились, но не слезали с велосипедов.

– Уже близко, сеньора, – отхлебнул он из бутылки и, не глядя, как бы машинально, предложил ей воду, возможно, смешанную с его слюной.

Она не стала обращать внимания на эту бестактность. Возможно, в таком привычном поведении ее гида не было ничего предосудительного. Но бывший муж, конечно, себе такого не позволял. Тот вообще был очень культурный малый, с хорошими аристократическими манерами носителя голубой крови, и даже когда она подала на развод и речь зашла о разделе имущества, то оставил ей право первого выбора.

«В конце концов, пусть этот самодовольный испанец думает, что я феминистка», – решила она, жадно присасываясь к бутылке.

К тому же, пить очень хотелось, и она не оставила больше никому шанса. Диего ухмыльнулся. На открытом пространстве, где они остановились, с видом на океан, ветер особо рвал и метал. Они невольно посмотрели на прибрежную извилистую полосу. Было время отлива, и сейчас волна очень хорошо отошла от берега и где-то на горизонте шла, возвращаясь новая, большая... Женщине вдруг показалось, что кто-то уже бесстрашно парит на доске под крыльями чаек.

– Да, для серферов сегодня просто рай, – заметил Диего ее негодующий пристальный взгляд и улыбнулся. – Но не волнуйтесь, сеньора! Там, куда я Вас сопровожу, Вы увидите одни лишь волны.

Они снова двинулись в путь, и где-то совсем незаметно для нее ушли в горы, на узкую грунтовую дорогу. Диего был как всегда неутомим, и сначала подъем не чувствовался, и она, свернув с шумной трассы, даже наслаждалась пением лесных птиц и с любопытством рассматривала по ходу движения плотно растущие вдоль тропинки деревья, сравнивая их с французскими каштанами. Но потом, когда подъем стал слишком сложен и пришлось слезть с велосипеда и взбираться пешком, топчя под ногами редкую траву, она снова почувствовала реваншистское настроение и попробовала срезать путь по второстепенным тропинкам. Но, в конце концов, только усложнила себе задачу, а гид даже не оборачивался и не подавал руки на сложных участках. Мышцы ног с непривычки заныли, ломила спина, и она опять вспомнила Жуля. В такие моменты он нес ее на руках.

– Диего, у Вас есть девушка? – вдруг спросила она почему-то.

– Есть, сеньора. Мы живем в доме ее родителей здесь неподалеку.

– А чем она занимается?

– Учится, как и все.

Разговор как-то не заладился, и она предпочла больше не расспрашивать своего гида о личном. Солнце уже, казалось, зашло в зенит, но его лучи с трудом пробивались сквозь густые кроны деревьев. Дорога стала все чаще раздваиваться и расстраиваться, но гид выбирал путь, не задумываясь, и лишь один раз им пришлось вернуться назад на прежний перекресток и повернуть влево уже к спуску. В этой таинственной полутьме ей вдруг показалось, что она окончательно заблудилась с этим испанцем.

– Мне кажется, мне подсунули убитый велосипед. Скрипит, точно кровать молодоженов.

– Мой мне нравится, – засмеялся Диего, лихо сядя на него и легко катясь вниз по довольно пологой тропинке, искусственно выложенной камнями.

– А, может, поменяемся? – уже прямым текстом намекнула она ему.

– Что Вы, сеньора! Тут пять скоростей передач, и я боюсь, на поворотах Вы просто не справитесь. В конце концов, я за Вас отвечаю.

С одной стороны действительно был опасный обрыв и низкое, просто издевательски низкое, ограждение, а с другой высокая отвесная стена давила на них, и ветви деревьев, цепляю-

щихся за камень, касались их голов, и им приходилось даже пригибаться. Мелькнул знак, предупреждающий, что проезд на машине закрыт, но тут нужно было быть совсем идиотом, чтобы рискнуть пропихнуться сюда даже на мотоцикле. Они уже не крутили педали и только притормаживали. Колеса сами крутились по склону, и шум волны становился все отчетливей, и сильнее с океана дул ветер. Потом они выехали на горный выступ, появились заброшенные бунгало из камня и вырытые в песчанике пещеры. Судя по висящему на веревках тряпью и мешкам мусора, тут жили люди, и она с удивлением посмотрела на Диего.

– Самые роскошные апартаменты острова, сеньора, – засмеялся он. – Вот тут на скале рядом океан, вышел и дышишь полной грудью... Наш пляж, правда, чуть дальше. Вон за тем камушком!

Она посмотрела на гряду черных камней, преграждающих ей путь к заветному месту, и тяжело вздохнула. Сил не было ни на что, а они еще свернули к пещерам, увязая в песке.

У входа одной из них на коленях сидела маленькая чернокожая девочка и играла в куклу. Рядом стояла искусственная елочка, украшенная вместо новогодних игрушек и мишуры фотографиями и вырезками из журналов собак разных пород. На ветру все шевелилось и шуршало, словно вызывая к себе повышенное внимание, и женщина даже спросила Диего шепотом.

– Разве этот наступивший год собаки?

– Нет, что Вы! – улыбнулся он. – Просто малышка мечтает о псине.

Девочка тоже улыбнулась, показывая свои беззубые десна. Диего ласково поздоровался с ней и попросил на испанском, чтобы кто-то из взрослых присмотрел за велосипедами. Та кивнула и продолжила играть со своей куклой, а велосипедисты спешили. К пляжу нужно было спускаться только пешком, перебираться через черные камни. Диего щелкнул пальцами, показывая своей охотницей за тишиной, что нужно немного отблагодарить ребенка, и она порылась в шортах и достала несколько смятых купюр.

– Тут сдачи не дают, – заметил он, когда она протянула девочке деньги.

Та сразу прекратила играть и, взяв их, побежала в пещеру. Оттуда скоро вышел худощавый, длинноволосый белый мужчина, в каких-то рваных одеждах, который поднял приветливо руку, и Диего махнул в ответ, перекинувшись несколькими фразами о погоде.

– Чем они тут живут? – спросила она немного спустя у своего гида.

– У них можно купить травку.

– Вы хорошо знаете их? Он что ее отец?

– Не то, что хорошо. Но остров небольшой, сеньора. Тут все друг друга знают, – как-то уклонился он от дальнейших расспросов.

Она еще какое-то время с любопытством оглядывалась по сторонам, исследуя быт живущих здесь людей. Внимание ее привлек самодельный стол с книгами под открытым небом. Книги были старые, с засаленными страницами, и она даже остановилась и пролистала несколько из них.

– Как видите, они еще продают литературу, в основном веганскую и на английском, – ухмыльнулся Диего.

Они прошли еще немного вниз, когда заметили, что чернокожая девочка следует за ними по пятам, и останавливается, когда и они останавливаются.

– Ей скоро в школу, – заметила женщина.

– Тут с этим проблем нет, – сказал он. – Мой племянник в этом году тоже собирается в школу. Принимают всех одинаково, включая детей мигрантов.

– Откуда они все берутся?

– Африка рядом. В плохую погоду с Марокко часто прибывает плоты и лодки. Для них мы своего рода перевалочный пункт в Европу.

Прежде чем идти на свой тихий пляж, путешественники решили смочить ноги в океане перед пещерами. Здесь тоже была прибрежная полоска, метров в сто, не более, с растающими

в него редкими пальмами, и грязный, вулканический песок рассыпался в руках словно порох. Отлив еще не закончился, и на образовавшейся отмели две молодые девушки хиппи в длинных свободных платьях собирали мусор в мешки. Всякий хлам, бычки, пластиковые и стеклянные бутылки, остатки фейерверков и новогодних салютов прибило волной от проходящих мимо круизных кораблей предыдущим приливом. Девушки, как только увидели Диего, бросились к нему с многократными поцелуями, совсем не обращая внимания на его смущенную спутницу, будто все это для них было привычное дело.

«Может, он слишком часто водит сюда женщин?», – предположила она, чувствуя укол ревности, пока они бегло и звучно трепались о чем-то своем.

Она вслушивалась, но никак не могла понять их беглый испанский, и, разувшись, еще долго ходила по мокрому песку в каком-то дискомфорте, а они все время трепались и смеялись, искоса поглядывая на нее. «У нее хорошая грудь», – только услышала она сквозь свист ветра и еще больше разозлилась. Все это принудило действовать ее самостоятельно, и она не стала ждать Диего и демонстративно двинулась к черным камням одна.

– Что он вообще о себе возомнил, дерзкий мальчишка?! – говорила она себе, выискивая удобный переход между камнями...

Уже через какое-то время они лежали довольно близко друг к другу и разговаривали, делаясь впечатлениями. Тихий пляж казался обоим заслуженной сказкой после долгой утомительной дороги, сказочным местом, красивым и безлюдным, и им никто не мешал, кроме порывистого ветра, но и он был деликатен с ними, и напал на них, словно прося разрешения.

– Здесь хочется остаться навсегда и смотреть, смотреть вдаль, на океан, каждый раз ожидая большую волну, – призналась она, доставая пачку Esse и зажигалку.

Он не курил, но в этот раз потянулся за предложенной ему сигареткой.

«Мучительная смерть», – задумчиво прочитала она устрашающую надпись на пачке. Раньше она скептически относилась ко всему этому, курильщиков вокруг нее меньше не становилось, и она относилась к подобным вещам к маркетинговому ходу табачного лобби. Теперь же надпись кричащими большими буквами заставляла невольно задуматься о том, что жизнь конечна, и что любого, даже самого счастливого существа на свете ждет один финал...

– Ты же не куришь, – улынулась она печально, когда Диего закашлял с непривычки.

Он развел руками, пытаясь подавить кашель, и снова затянулся. В этот раз уверенно и с прищуром.

– Не одной же тебе мучиться, – сказал он задумчиво.

Это была та самая сакральная минута примирения, когда они непроизвольно перешли на ты, а все прошлые обиды были оставлены за черными камнями. Им повезло. Пляж был безлюден, только они двое лежали на нем, созерцая перед собой голубое полотно океана. Правда, она всегда чувствовала, что кто-то наблюдает за ними из-за камней и догадывалась, что это могла быть та самая маленькая девочка-африканочка. Несколько раз она ловила на себе этот зоркий невидимый взгляд, но с каждым разом привыкала к нему, и скоро ее уже это не волновало. Завтра она улетает в Париж, навсегда покидая этот «собачий» остров и такое необычное прощание с ним ее вполне устраивало.

Диего, как и обещал, постелил на черном песке широкое белое покрывало. Погода была чудесная. Ярко светило солнце, заливая все пространство золотым теплым светом. Свежий соленый ветер, предчувствуя скорую весну, свистел над ними, срывая одежды и теребя волосы, а от избытка непередаваемых словом эмоций кружилась голова. Но о чем сейчас мечтала она, и о чем мечтал он, оказавшись в уединенном месте тет-а-тет с океаном? Большая пенная волна, сверкая на солнце, точно бриллиантовая россыпь, только-только ударила о берег, не дойдя до них пару шагов. Они уже сняли верхнюю одежду и подставили свои жаждущие любовной ласки тела этой великой стихии. Мужчине захотелось дотронуться до женщины, и он нежно провел пальцем по ее шее, затем по плечу. Она не отстранилась, давно ожидая от него нежно-

сти, он дотронулся до ее груди, по верху купальника. Ей нравились его никуда не спешащие прикосновения, и она начала легонько постанывать, помогая и подсказывая ему, что он все делает правильно. Тогда он провел своей рукой под ее бюстгалтером, и она застонала громче.

«И все-таки Жюль себе такого не позволял...», – пронеслось у нее в голове, когда она откинулась навзничь, положив свои руки за голову.

Она, не зная почему, улыбалась небу, смотря на него сквозь темные стекла очков, и вскоре закрыла глаза, когда рука ее молодого любовника опустилась по ее животу и вошла под трусики. Последние границы приличия сдул ветер, тщетно остужая их горячие от возбуждения тела, разница в возрасте и социальном положении мгновенно была смыта новой волной. Его музыкальные пальцы словно музицировали, высекая огонь страсти на клавишах ее расстроенной души, и она аккомпанировала ему сладким стоном и учащенным дыханием. Потом он овладел ею, закрыв своим могучим торсом все полотно океана, и она извивалась под ним, ощущая всей кожей его губительную силу и одновременно свою обреченность, точно пораженная метким копьем змея. Их губы больно соприкасались, он целовал ее всюду, словно, сошедший с ума, а она царапала ему спину, пыталась удушить, обвивая его торс ногами... Он что-то говорил ей, грубое, непотребное, иногда шептал свои испанские напевы, и она признавала его бесспорный талант соблазнителя и, вопреки здравому рассудку, влюблялась, как полная дура, с каждым полным неистовства толчком его широких бедер. В какой-то момент ей вдруг захотелось спеть Марсельезу, но она не помнила слов, и в этом забытии забыла даже свое имя. Теперь ее ладони легли на его накаченные ягодичи, и она, с закрытыми глазами, покорила судьбе.

Вдруг она вспомнила о маленькой девочке, возможно подглядывающей сейчас за ними, и сказала Диего об этом. Он рассмеялся, приняв ее догадки за излишнюю мнительность, но все же отстранился и попробовал закрыться краем свободного покрывала. Она же стала ласкать его там руками и ртом, и он тоже продолжил ласкать ее руками, и она буквально сразу задрожала и кончила. Затем он откинулся победителем, предоставляя ей творить теперь с ним все, что она хочет. И все, что она делала потом, накрывшись с головой покрывалом, еще долго оставалось тайной для постороннего взгляда.

Ей нравилось делать это, все больше дивясь и поражаясь, какая у него хорошая выдержка. Потом, ощущая вкус его семени, она снова почувствовала на себе мелодию его трепетных пальцев, и испытывала оргазм за оргазмом, громко постанывая и крича, пока, наконец, утомленная, не пала ему на грудь и долго слушала, как бешено стучит его сердце. Сильный порыв ветра все же сорвал с них край покрывала, и они остались обнаженные на ладони их счастливого бога.

– У меня никогда прежде не было такого горячего любовника, – прошептала она под шум прибрежной волны.

– А муж? – спросил он, обнимая ее за плечи и любясь сверху ее грудью с ярко выраженными, крупными сосками. – Ты говорила, что была долгое время замужем...

– Бедный жалкий Жюль... Он не мог себе такое позволить... Я всегда искала нечто подобное на стороне. Две взрослых дочери уже не вмешивались в мои романы, а муж не обращал на это никакого внимания...

– Интересно, как тебе удастся в таком возрасте иметь такую соблазнительную грудь? – вдруг спросил он, тронув легонько пальчиком, точно позвякивающий колокольчик, ее левый сосок.

– Все просто, – была приятно польщена она его нескрываемым восхищением. – Никогда не снимала бюстгалтер и даже спала в нем с юных лет...

Солнце зашло за облака, и стало заметно прохладно. Они еще какое-то время пролежали на пляже, согреваясь друг другом, но уже молча, каждый думая о чем-то своем личном, и собственноручно все, что произошло сейчас между ними на этом тихом безлюдном пляже теперь уже

казалось невероятным и надуманным. Потом кто-то из них первым начал одеваться, кажется, это была она, и он тоже стал натягивать на себя спортивные лосины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.